

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

(Разсказъ изъ воспоминаній портъ-артурца).

Въ тотъ моментъ, когда у насъ шелъ бой, далеко за этими шапками-горами и безконечнымъ моремъ съ несущимися надъ ними облаками, быть можетъ, на лицахъ моихъ знакомыхъ скользила нѣжная беззаботная улыбка, быть можетъ, они ловили грезы о счастьѣ, мечты о любви и ихъ душу сковывалъ трепеть радости, а горе, горе словно ласточка, рѣя въ воздухѣ, черной точкой высоко проносилась надъ ними, скрываясь въ выси.

Здѣсь на маленькомъ клочкѣ земного шара, на Ляодунскомъ полуостровѣ, стрѣлою вдающемся въ море, не то было на нашихъ лицахъ. Злоба, ненависть, безсердечность, озвѣреніе обуяли каждого изъ насъ, и все это было изображено грубыми мазками какимъ-то безсердечнымъ художникомъ на полотнѣ живыхъ лицъ. Но среди этихъ рѣзкихъ мазковъ ярко выдѣлялись свѣтлыя нѣжныя краски беззавѣтныхъ подвиговъ съ безстрашными жертвами.

Въ это утро блѣдно-лазуревое небо, съ нависшими дымчатыми облачками, казалось свинцовымъ, горы кратерами, долины кипучимъ котломъ расплавленнаго металла, люди же среди этой огненной лавы осколковъ и свинца — титанами, а ненасытная смерть—безстрашной гостьей каждого, въ каждую секунду. Среди этихъ горокъ и долинъ смерти, всѣ давно обрekli себя ея мгновенному взору, свыклись мысленно съ ней. И кто былъ здѣсь страшнѣе, жесточе: она или вонъ тѣ, что сбрасываютъ подъ откосъ штыками врага?

Солнце, въ этотъ день жнивы смерти, съ самаго утра сидило

заглянуть въ окопы, какъ бы хотѣло дать радость живымъ, освѣтить ихъ мрачныя лица и кинуть послѣдній разъ свои яркіе лучи на мертвыхъ, но черные свинцовые клубы дыма заволокли окопы, горки и долины: скрыли мертвыхъ и живыхъ.

День только-что насталъ. Облака дыма то сгущались надъ нами, то легкой налетъ вѣтерка съ моря разгонялъ ихъ, давая возможность людямъ минуту другую вдохнуть свѣжій, неотравленный вѣскимъ дымомъ, воздухъ, мимолетно взглянуть, что дѣлается кругомъ, видѣть кого не стало, кому давно жданная гостья наложила свою печать безмолвія.

Въ это утро японцы ворвались въ наши окопы, мой другъ и пріятель, поручикъ Трофимовъ, вырвалъ меня изъ объятія костлявой гостьи; еще одинъ моментъ, и я почувствовалъ бы въ своемъ тѣлѣ холодныя тесаки японцевъ, но поручикъ Трофимовъ во-время подоспѣлъ, бросился въ штыки и спасъ мнѣ жизнь. Признаюсь, когда японцы повалились возлѣ насъ, мнѣ не хотѣлось бы быть на ихъ мѣстѣ: слишкомъ мучителенъ былъ ихъ конецъ, но чувства состраданія, жалости они въ этотъ моментъ во мнѣ не возбудили. Послѣ, когда солнце закатится, когда сумерки окутаютъ горы Волчьи, Дагушань и Сягушань, когда все стихнетъ и гулъ и стоны, и погаснетъ жизнь съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго, когда картина дневного боя, не подающаяся кисти художника, будетъ закончена, тогда...тогда, я буду не тѣмъ, если можно такъ сказать про себя, титаномъ борьбы за пядь земли, я духомъ паду, ослабнуть нервы, моя жестокость рухнетъ словно стѣна, и я почувствую себя не убійцей людей, а другомъ ихъ, буду страдать, мучиться, смерть своего и врага болью отдадутся въ моемъ сердцѣ... а если завтра съ разсвѣтомъ снова штурмъ? Меня снова охватятъ чувства безсердечности, жестокости, и жажда крови явится моимъ желаннымъ наслажденіемъ, я буду упиваться мученіями врага... Такой страшный переворотъ души былъ всегда, когда начинался бой и угасалъ день.

Въ полдень мой участокъ окончательно заволокло дымомъ, казалось, что померкъ день и гибнетъ весь міръ. Нѣтъ, міръ тотъ же съ дивной красотой и чарующей прелестью.... Жизнь такъ же красива. Жить... жить... Изъ моихъ глазъ блеснулъ снопъ искръ, пошли круги, чувствую, земля проваливается, и я несусь куда-то въ бездну, въ безконечную пропасть и съ каждой минутой быстрѣе. Мнѣ такъ хорошо, пріятно, истома охватила все тѣло, безконечно ощущалъ бы эти блаженныя минуты...

Что было дальше, не помню, я очнулся на перевязочномъ пунктѣ. Черезъ три дня въ госпиталѣ узнаю, что мой другъ, Юрочка, такъ звали поручика Трофимова, когда японцы снова ворвались въ наши окопы,—бросился ко мнѣ на выручку и спасъ меня отъ разъяренныхъ японцевъ. Затѣмъ съ небольшою горсточкою такихъ же смѣльчаковъ, какъ онъ, Юрочка кинулся въ мой полуразрушенный блиндажъ, гдѣ засѣли японцы. Въ дверяхъ они встрѣтили нашихъ смѣльчаковъ, градомъ пуль и бомбочекъ. Поручика Трофимова тяжело ранили въ животъ осколками бомбочки, троихъ неизвѣстныхъ смертельно. Но за эти четыре жертвы они заплатились тридцатью. Наша ворвавшаяся, остервенившаяся горсточка стрѣлковъ переколола всѣхъ, не дала пощады имъ и въ темныхъ углахъ блиндажа, гдѣ многіе изъ нихъ притворились мертвыми. Правда, и наши изъ темнаго блиндажа вышли не всѣ цѣлехоньки, но за то они отомстили за своего ротнаго и трехъ своихъ товарищей. Переколовъ японцевъ, стрѣлки бросились вдоль моего окна, выбили изъ траверсовъ остальныхъ японцевъ, и окопъ былъ до вечера снова въ нашихъ рукахъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого штурма, послѣ моего раненія и подвига моего друга, Юрочка Трофимовъ въ страшныхъ мученіяхъ борьбы за жизнь скончался. Его смерть тяжелой болью отдалась въ моемъ сердцѣ. Не вѣрилось, что его въ этомъ мірѣ не стало.

Помню, день былъ ярко-солнечный. Внутренній рейдъ серебрился, водяная гладь красиво переливалась, блестя на солнцѣ. Вдали на фонѣ облаковъ, гора Ляотешань съ причудливыми холмами, кривыми изгибами, глубокими долинами, покрытыми кустарникомъ, далеко уходила, закрывая собою море и облака. Среди этихъ красотъ природы, непрерывно гудѣли и вздрагивали наши броненосцы, посылая двѣнадцатидюймовые снаряды куда-то за горы, черезъ долину, возлѣ Перепелиной горы. Страшный трескъ колебалъ почву и сотрясалъ воздухъ, временами казалось, что разверзлись нѣдра земли и рушились стѣны. Когда эти гиганты посылали снаряды, то все живое вздрагивало и трепетало. Гудя, они неслись туда, далеко за горы, гдѣ разрывались, разнося эхо, которое замирало среди дивной красоты высотъ въ дикихъ скалахъ Ляотешаня, сливаясь со стонами умирающихъ въ окопахъ. При каждомъ такомъ выстрѣлѣ маленькая часовенька, куда мы вошли, казалось, не выдержитъ, отъ сотрясенія рухнетъ, а три офицерскихъ гроба развалятся. Жутко было здѣсь, въ этой маленькой часовенькѣ, гдѣ обезо-

браженные до неузнаваемости трупы офицеровъ въ желтыхъ гробахъ вздрагивали, а лежащiе на полу пять неизвѣстныхъ сѣрыхъ героевъ, зашитыхъ въ черный лоснящiйся коленкоръ, вмѣсто гроба—казалось, шевелились...

Послѣ краткой литiи мы простились, кинули послѣднiй взглядъ въ спокойное лицо своего друга и при общемъ гробовомъ молчанiи безъ слезъ, а это хуже, когда крышка скрыла его на всегда, мы вынесли Юрочку изъ часовни, поставили на дроги и тихо тронулись къ Перепелиной горѣ. Образъ его и свѣтлый подвигъ былъ моимъ спутникомъ. Его подвигъ ничто не можетъ до сего дня скрыть и сгладить изъ моей памяти. Я обязанъ ему за слишкомъ цѣнную его жертву красотой жизни.

Вотъ и Перепелиная гора, черезъ которую на внутреннiй рейдъ и въ докъ посылаютъ намъ японскiе мортиры отвѣтъ Чувства не обманываютъ, подсказываютъ остановиться, переждать, пока нѣсколько японскихъ снарядовъ не взбороздятъ, не взроютъ дорогу, возлѣ подошвы этой горы, гдѣ кладбище, чтобы скорѣе миновать обстрѣливаемое мѣсто, не попасть подъ снаряды, которые могутъ перевернуть гробъ съ прахомъ, и не потревожить въ послѣднiй часъ передъ могилой покой моего товарища—дроги съ моимъ другомъ должны проѣхать второй поворотъ рысью. Дѣйствительно, когда мы остановились, впереди саженьяхъ въ пятидесяти отъ насъ нѣсколько снарядовъ упало на дорогу и разбросало свои пудовые осколки, которые съ визгомъ пронеслись надъ нами. Мы, съ трепетомъ въ душѣ и страхомъ, двѣ—три минуты переживаемъ. Сопровождавшiй оркестръ повернулъ обратно: рисковать людьми, которые въ бою исполняли должности санитаровъ, а при погребенiи играли похоронные марши, звуки котораго подъ гулъ трехъ снарядовъ и муки умирающихъ еще больше растравляли сердца сопровождавшихъ, было не къ чему. Тронулись. Вотъ онъ, второй поворотъ, проклятое мѣсто, самое опасное на всемъ пути. Здѣсь снаряды и мертвыхъ не щадили. въ этомъ мѣстѣ дороги, какъ нарочно въ выбоинахъ стали замедлять ходъ, лошаденка настораживаться. Моментъ... и она шарахнулась въ сторону: страшный трескъ огласилъ весь рейдъ... Но все обошлось благополучно.

— Скорѣе... Скорѣе... къ могилѣ, она здѣсь недалеко—копошилась мысль въ моей головѣ. Еще одинъ поворотъ, и опасное мѣсто мы миновали. Вотъ вправо передъ нами склонъ Перепелиной горы. Свѣжiе холмики съ бѣлыми крестами спускаются къ самой ея подошвѣ. Не успѣли мы отѣхать нѣ-

сколько сажений, какъ сейчасъ же на дорогѣ сзади, за поворотомъ, разорвалось нѣсколько снарядовъ, но намъ теперь это не страшно: мы возлѣ могилы, куда спѣшимъ его спрятать. Какъ-то тихо прощѣли два солдатскихъ голоса „Со святыми упокой“. Мы опустились на колѣни. Эти дивныя слова, эта искренняя обжигающая сердце, молитва слилась съ гуломъ снарядовъ, съ разрывомъ за горой и далекимъ эхомъ въ морѣ. Еще тише прозвучали слова: „Вѣчная память, вѣчная пам“... И послѣднее слово отъ треска снаряда оборвалось.

Глухо застучала о крышку земля. Образовался новый холмикъ, поставили бѣлый крестъ съ надписью „Поручикъ Трофимовъ“ и только... Мы постояли, посмотрѣли на этотъ свѣжій холмикъ съ крестомъ и пошли... въ окопы. Хотѣлось вернуться еще разъ взглянуть, не вѣрилось, что сейчасъ опустили въ могилу друга, которому я и многіе обязаны жизнью, но почему знать, быть можетъ черезъ три дня и я буду здѣсь, возлѣ него.

Когда мы спускались по узенькой крутой тропочкѣ, передъ нами развернулась дивная сказочная картина природы. Вдали горы, дальше море, надъ которыми нависли бѣлыя шапки облаковъ и не двигаются, какъ будто онѣ очарованы водяною гладью, верхушками горъ и замерли. Солнышко высоко надъ нами, теплые лучи его насъ пригрѣваютъ, но душу, грусть ея, въ этотъ моментъ ничто не можетъ согрѣть... А тамъ дальше, за этимъ моремъ, родина, туда, туда съ этого склона хотѣлось крикнуть своимъ знакомымъ: „Не забудьте, сейчасъ опустили въ могилу еще одного вамъ неизвѣстнаго. Не забудьте!“

Въ этотъ моментъ порыва на вершинѣ Перепелиной горы раздался трескъ: задрожали маленькіе, свѣженькіе холмики, покачнулись кресты, и быть можетъ тамъ въ гробу вздрогнули товарищи, но какое имъ дѣло до нарушенія ихъ покоя.

Они въ землѣ, они ничего не чувствуютъ. Ихъ имя вамъ чуждо, ихъ смерть, ихъ подвигъ васъ не тронуть, но близкимъ будетъ больно, когда о нихъ забудутъ. Такъ дайте же, хоть живымъ, оставшимся послѣ нихъ, покой, удѣлите имъ чувства состраданія, облегчите ихъ участь. Вы скажете: война жестока и страшна жертвами. Вамъ мой искренній изъ глубины изстрадавшагося сердца отвѣтъ:

— А вы еще жесточе и страшнѣе... безсердечіемъ.

Г. Артуровъ.